

ПРИНЦИП
ВЫНУЖДЕ
РАДИО, ЧТ
МОЖЕ...

Е.Л.: С
существом
не прини
театр ни
милитив

нов так любят работать с этим режиссером. У него есть свой особый, протекционный язык. Бесконечно далекий от литературного языка. Театра. «Две женщины», на мой взгляд, очень стильный спектакль. И ленинградская постановка, и «Амфирион» в Вахтанговском театре. Но сам факт, что кирюковский авангард воспринимается публикой, опровергает распространенное мнение, что театр — это скучный и скучный мир.

иет актеры, ритм, мелодию во имя откровения. Сержис — русский божество. У сергиса нет искусства — а я, у нас же в этом слове слышится «искус», «искусство». Можно ли увлечься светом, составлять «дон-жуанский список» и быть христианским? В «Дон-жуане», как и в «Плате Иеремии» Василия Хвостова, есть и трагизм и абсурд. На

Е.Л.: Хотя он не прошел по режиссерской и актерской комиссии. Нини Сагур (вернее две пьесы, соединенные в этом спектакле своей чернотой. Второе современное название — «Русская народная поэзия» Олега Богачева. Эта пьеса сильно отличается от пьес Сагурского, прежде всего, тем, что в ней есть и поэзия, и трагизм и абсурд. На

Е.Л.: Не уверена, что Татьяна Васильева сможет играть в авторских спектаклях. Это сомнительный выбор. Точно так же и другие артисты, которые получают в финале. Ведь люди талантливые, но в них нет нужды. А зрители в итоге такой «режиссерской» пьесы получают в итоге некоего марионеточного зрелища.

Е.Л.: Не уверена, что Татьяна Васильева сможет играть в авторских спектаклях. Это сомнительный выбор. Точно так же и другие артисты, которые получают в финале. Ведь люди талантливые, но в них нет нужды. А зрители в итоге такой «режиссерской» пьесы получают в итоге некоего марионеточного зрелища.

Е.Л.: Не уверена, что Татьяна Васильева сможет играть в авторских спектаклях. Это сомнительный выбор. Точно так же и другие артисты, которые получают в финале. Ведь люди талантливые, но в них нет нужды. А зрители в итоге такой «режиссерской» пьесы получают в итоге некоего марионеточного зрелища.

фото Стаса Левшина.

Кирилл НАБУТОВ:

Я уже не в том возрасте, чтобы тиражировать свое лицо

Космос, правда, — 2000 — 21 янв. — с. 12

Ищите самого высокого мужчину в окружении красивых женщин, — посоветовал охранник на съемках Новогоднего вечера НТВ и оказался прав. Широкоплечий, умный, ироничный, любитель слабого пола, большинство зрителей он запомнил прежде всего как ведущий «Адамова яблока» — первой отечественной программы «для мужчин». Хотя были и другие: светская «Ночная жизнь» и документальный сериал «История одного события». Минувшей осенью Кирилл Набутов появился на НТВ в двух проектах — «Служба спасения» и «Один день». Новый экранный образ — солидность. А от «эротического» прошлого осталось название телекомпании «Адамова яблока», которая и занимается производством «Одного дня». Об остальных ее занятиях Набутов предпочитает не распространяться.

— Мало, что ли, «Одного дня»? Такой кровавый проект. Очень тяжелый в производстве. Несколько съемочных бригад бегают за человеком или за многими людьми (например, за Мариинским балетом) с раннего утра до позднего вечера, без пауз и перерывов на обед. Тремя камерами снимается пятьдесят кассет. Такого, чтобы мы за неделю всю программу сделали, облизали и наслаждались собой, не бывает. Это не кино, это телевидение. И потом, вот я скажу: «Катя, давайте я у вас возьму интервью». Мы поставим телекамеру и все запишем за сорок пять минут. Ну, за два часа. А другое дело, когда я говорю: «Знаете что, мы к вам приедем и с утра будем снимать» — как вы завтракаете, чистите зубы, разговариваете с семьей... Повесим на вас микрофон, все ваши вздохи, ахы будут слышны. Тут основная работа состоит в том, чтобы убедить человека, что это нормально, что мы не собираемся залезать к нему в постель или в туалет. А поскольку все-таки, давайте честно, всех интересуют в основном либо

Я считаю, что все, кто так или иначе кажет рожу на телевидении, — люди публичные. И если к ним есть какой-то интерес, значит, нужно сообщать что-то интересное. Тот год, в течение которого моя рожка не мелькала регулярно на каком-то из федеральных каналов, я не выращивал змей, не открывал десять маркетов и не стал депутатом. Просто занимался своими делами.

персонажи знаменитые, либо персонажи скандальные, либо какие-то внештатные места и ситуации, задача усложняется вдвойне.

— Интервью ведь тоже внедряется в частную жизнь.

— Обычное интервью не есть внедрение в частную жизнь.

— Ну, это зависит от того, о чем спрашивать.

— Спрашивать — это вообще не телевидение. Это газета или радио. Телевидение — это показывать. Поэтому внедрение в частную жизнь происходит только на уровне съемки частной жизни. А на уровне интервью про частную жизнь не происходит. Вот вы меня, допустим, спрашиваете, что я заработал за свою жизнь на телевидении. А я отвечаю: «Катя, да я живу в стандартной трехкомнатной квартире! Это обычная питерская квартира, в ней нет ничего странного». А вы приходите и види-

те, что это стандартная трехкомнатная квартира богатого чиновника 1910 года, вся увешана золотом и бриллиантами, и каждая комната по сто метров... Телевидение это продает, а радио нет.

— Были отказы от съемок?

— Были. Но мне об этом не интересно говорить. Зачем говорить о людях, которые по своей глупости или недалекости, или несовременности, или закомплексованности отказались. А потом, извините, мы далеко не всем предложения делали. Мы каким-то надутым, не в смысле характера, хотя и в этом тоже, а в смысле искусственно раскрученным звездам попы, например, сниматься не предлагали. А что с них взять? Чтоб они показывали свои евроремоты? Или дома в дачном поселке типа Николаина гора?

— По какому же принципу выбираются герои?

— По принципу интереса для зрителя. Я на сто процентов уверен, что интересно посмотреть, как протекает, например, жизнь такого удивительного персонажа, как Церетели. С каким знаком он интересный, пусть каждый выстраивает сам. Одни ненавидят Петра, другие говорят, что это поменяло облик Москвы. Я тоже имею частное отношение как зритель и потребитель творений искусства и архитектуры к тому, что делает Церетели. Что-то мне

нравится, что-то я не принимаю. Но это не мешает мне сказать: «Батона, давайте мы снимем, как вы делаете каждое утро, в уже зрелом возрасте, гимнастику со штангой, и давайте поговорим о том, как у нас дела обстоят с грузинской кухней». Я как на четверть грузин знаю, что здесь спросить, тем более что я на четверть Церетели.

— Вот вы и сами заговорили о частной жизни. Так вы и правда родственники?

— Скорее всего, это очень, очень далекое родство. Но моя бабушка Маро Церетели в пятнадцатом году приехала в Питер из Дербента, где она отбывала ссылку за революционную деятельность. И по этой деятельности она была на «ты» с одним хорошо известным революционером по фамилии товарищ Джугашвили. И более того, бабушка моя даже была в Москве у товарища Джугашвили, когда он носил другую фамилию. Она дружила с его женой, и двух человек ей удалось достать из тюрьмы.

До сих пор не понимаю, как она могла выжить, потому что была из княжон Церетели, а

вся наша жизнь есть условность. То, что мы надеваем одежду, а не ходим голыми, — уже условность.

Да, к любовнице в компании с оператором человек не поедет и в постель с микрофоном, приколотым к трусам, не полезет — это понятно. Но на то и есть личная жизнь, чтобы она была личной. Будь то любовница или поход в театр с женой и детьми, человек имеет право сказать нам «нет».

дедушка мой был из потомственных дворян, причем не русских, а чехов, правда, православных. А другой мой дед происходил из полковых писарей и был расстрелян благополучно по навету.

— Вас давно не было видно на экранах. А телевизионщики говорят, что эфир — наркотик.

— Я нахожусь в том возрасте, когда человека волнуют вещи более существенные, чем тиражирование собственной персоны посредством электронных СМИ. У меня вообще уже несколько лет душа заполнена вещами, которые, к сожалению, пока не очень хорошо идут на телевидении. Например, история. Первый полномасштабный документальный исторический сериал сделали на самом деле мы в девяносто седьмом году.

— «История одного события»?

— Да. А после такие вещи пошли в тираж. Мы сделали шестьдесят две серии, в убыточном варианте. И все ребята, которые над ним работали, а сейчас разбрелись по разным местам, говорят: «Если бы де-

Это не бумажка и не диплом.

— Каким же должен быть высокообразованный человек?

— Таким, чтоб про него окружающие говорили: «Да, его образованность на высшем уровне».

— Пример.

— Дмитрий Сергеевич Лихачев.

— Кто бы сомневался. Тогда вопрос такой: что заканчивали?

— Это правильно. Заканчивал Ленинградский университет. По факультету журналистики.

— Кстати, о Ленинграде. Помните, ленинградское телевидение в первые годы перестройки...

— Сейчас вы скажете очевидную московскую глупость относительно того, что ленинградское телевидение в начале перестройки было светочем и маяком, лучшим телевидением, «золотым веком» свободы и так далее, и так далее... Сладкие враки и интеллигентские слюни. Просто был момент, когда ряд людей достиг определенного творческого оргазма, если хотите, выплес-

лось что-то похожее, все бы бросили и пришли».

— А не планируете?

— Трудно. Деньги, спрос, а может быть, и недостаток умения продюсерского. Тут ведь главное не столько уметь сделать, сколько обеспечить экономическую реализацию продукта.

— Но ведь сейчас как раз к истории интерес большой.

— Интерес — то, интерес, но телерынок узкий. Он ведь чем занимателен: продавец гречневой крупы имеет миллионы покупателей, которые приносят по двадцать рублей. Крупы потребляют постоянно десятки тысяч магазинов и сотни крупно- и мелкооптовых фирм. А телепередачи потребляют в стране, так, чтоб за них еще заплатить, три покупателя. Ну пять, ну семь...

— По образованию вы журналист или историк?

— Почему историк?

— Такой проявляет к этой науке интерес.

— Да я просто люблю ее как дилетант. По образованию я никто.

— У вас нет высшего образования?

— Это не образование. Я, как частично дворянин (хотя это шутка, конечно, во мне нет ничего дворянского), привык отнестись к высшему образованию как к высшему образованию. У меня его нет.

— А что есть высшее образование в вашем понимании?

— Это высшая образованность.

— Конкретнее.

— Это понятие неконкретное.

Я твердо знаю, что вопрос личной славы меня волнует гораздо меньше, чем многих других, которые рожу кажут в телевизоре. Я спокойно откажусь от этого, если будет что-то более интересное без моего участия в кадре.

нуж определенное количество идей и продуктов в эфир на государственные деньги. При этом канал был открыт для вещания в Москве. Так совпало.

Началось все с передач Володи Максимова «Телекурьер» и «Общественное мнение». Потом пошли «600 секунд». Пошло «Пятое колесо», которое запускалось как абсолютно другое — как якобы художественный канал для интеллигентствующей публики, где беседовали об училище правоведения, в котором Апухтин и Чайковский учились, ходили пить водку на Фонтанку и пели песенку, написанную про это училище, — «Чижик-пыжик, где ты был».

А затем авторы просекли, что проснулся интерес к советской истории, и сделали славу бездарнейшей в профессиональной плане передаче (два часа разговоров, мало что общего имеющие с телевидением), но исключительно востребованной. И браво, что они догадались и дали зрителю пласт таких вещей.

Последней в перечисленном ряду была передача «Адамова яблока». Подобного в столице тогда не существовало. После этого произошел девятый первый год, начался капитализм, тут же стали появляться «бабки». Естественно, в первую очередь в Москве. Там и возник интерес к глобальным национальным телеканалам, в них стали вкачивать деньги, и все встало на свои места.

— А что происходит сейчас на питерском телевидении?

— Не знаю и знать не хочу. Судя по тому, что происходит на экране...

Екатерина ТРОФИМОВА.